

Под этим тяжелым, пронизывающим взглядом генеральный менеджер невольно вздрогнул. Ему показалось, будто перед ним на миг предстал Старейшина Пэй в годы своей яростной юности — такой же беспощадный, презирающий весь мир. Нет, взгляд Пэй Чана сейчас казался еще холоднее, еще жестче.

В памяти заплывшего жиром родственника всплыл сегодняшний образ Семьи Пэй: эпоха сменялась эпохой, у руля вставали новые, незнакомые люди. Совсем молодые лица, но у каждого — такие же ледяные, пустые глаза, как у самого Пэй Чана. А те, кого менеджер знал много лет, один за другим бесследно исчезали.

От этой мысли по спине пополз липкий холод, а сердце болезненно сжалось, словно под ногами разверзлась пустота. Сам он приходился Пэй Чану близким родственником — тоже носил фамилию Пэй, занимал в Семье Пэй высокий пост и по праву старшинства вполне мог рассчитывать, что этот юнец при встрече будет называть его двоюродным дядей.

Но когда все изменилось? Когда этот мальчишка, который раньше послушной тенью следовал за старейшиной Пэй и не смел даже рта раскрыть, вдруг встал во главе империи и начал смотреть на них свысока — так, что никто не отваживался поднять головы? Чем дольше менеджер думал об этом, тем сильнее леденели его пальцы.

Ему следовало понять еще во время великой чистки в руководстве: имя Пэй больше не принадлежит Старейшине Пэй. А он-то, наивный, надеялся, что старик рано или поздно вернется и все встанет на свои места. Надеялся, что останется неприкосновенной фигурой — уважаемым старшим, перед которым Пэй Чан обязан склонять голову в знак почтения! Он и не заметил, как в череде таинственных увольнений и исчезновений очередь дошла до него самого. Пэй Чан следил за ним давно, терпеливо и бесшумно. Какой, к черту, послушный и перспективный преемник? Перед ним стояла ядовитая гадина, затаившаяся в высокой траве.

По спине менеджера струился холодный пот. Поспешно опустив голову, он уставился в пол, не смея больше встречаться с Пэй Чаном взглядом, и судорожно сжал кулаки.

Пэй Чан окинул ледяным взором своего родственника. Заметив, как бледнеет и кривится его холеное лицо, он лишь едва заметно, презрительно усмехнулся и прошел мимо. Многие гости успели заметить эту короткую сцену. В их умах завертелись сотни догадок, но внешне они стали лишь предупредительнее и льстивее.

Присутствующие вовремя вспомнили главное: на сегодняшнем приеме именно Пэй Чан был истинным триумфатором.

Когда только объявили о масштабной перепланировке восточного и западного районов, десятки крупных корпораций бросились готовить заявки на тендер. Самым сложным было угадать направление — куда вкладываться? В западные земли или в восточные? В деловых кругах тогда царил душасающее, нервное напряжение. В итоге именно корпорация Пэй первой

сделала ход и выкупила западный участок. Даже тогда многие сомневались, предрекая компании грандиозный провал. Шептались, что западные пустыри не стоят и ломаного гроша по сравнению с перспективным востоком, и Пэй Чан просто похоронит там семейный капитал.

Но не прошло и полугода, как утвердили генеральный план застройки. Восточный район отвели под спальные кварталы, а западный превратился в ультрасовременный деловой центр. Более того, из-за географического расположения — восток, запад и центр города образовали замкнутый треугольник, в котором новый коммерческий сектор стянул на себя все финансовые потоки. Торговый комплекс семьи Пэй вырос в самом сердце этого золотого треугольника.

Строительство шло несколько лет. И теперь этот роскошный, сияющий стеклом и металлом молл приносил колоссальную, поистине баснословную прибыль. И, как поговаривали, именно Пэй Чан в свое время настоял на покупке этого пустыря.

Тогда Старейшина Пэй еще крепко держал бразды правления и ревностно давил любые начинания внука, не позволяя юному наследнику заявить о себе во весь голос. Но времена изменились. Сейчас ни у кого не оставалось сомнений: Семья Пэй перешла в руки нового хозяина. Пэй Чан больше не нуждался в чужом одобрении — это присутствующие из кожи вон лезли, чтобы снискать его расположение.

В этой невидимой борьбе тщеславия и расчетов Пэй Чан стоял невозмутимо, словно под прицелом софитов. На фальшивые улыбки и осторожные прощупывания почвы он отвечал ледяной вежливостью, а в глубине его темных глаз сквозила откровенная насмешка. Его ни капли не волновало, насколько искренни эти люди. Находясь в самом центре всеобщего внимания, он благосклонно принимал подобострастные приветствия. Уголки его губ приподнялись в едва заметной, многозначительной улыбке, а высокомерно вздернутые брови выдавали привычку повелевать.

Пэй Чан давно перестал быть безвольной тенью своего деда. Теперь он стоял на равных с титанами бизнеса. И неважно, сколько им было лет и каков был их стаж — каждый из них при встрече заискивающе величал его господином генеральным директором. В этом и заключалась власть. А тот, кто обладал ею, получал право вершить чужие судьбы.

Он лениво покачивал бокал, наблюдая за игрой рубиновых бликов на стекле, после чего сделал неторопливый глоток. Когда к нему подошел очередной проситель с поднятым фужером, Пэй Чан просто опустил свой бокал на поднос проходящего мимо официанта и, одарив собеседника коротким, пренебрежительным взглядом, зашагал к выходу. Глядя ему вслед, многие гости откровенно кривились от злости и крепче сжимали ножки своих бокалов, однако никто не посмел окликнуть его или остановить.

Когда он вернулся в особняк, сумерки едва начали сгущаться. Но осень уже полностью вступила в свои права, дни стали короче, и не успел он оглянуться, как плотная ночная мгла окутала поместье.

Последний месяц выдался безумным: Пэй Чан метался с одной встречи на другую, почти не смыкая глаз. Накопившаяся усталость дала о себе знать — единственный бокал красного вина на приеме быстро ударил в голову, вызвав приятную хмельную легкость. На бледных щеках проступил едва заметный румянец. Ленивым жестом он отпустил прислугу, и дворецкий тут же бесшумно скрылся за дверью.

Оставшись в пустом холле, Пэй Чан небрежно ослабил узел галстука и, придерживаясь за перила, медленно поднялся по лестнице. При каждом его шаге датчики движения чутко отзывались, заливая коридор мягким светом. В этом искусственном сиянии его кожа казалась мертвенно-бледной, а под глазами залегли глубокие тени утомления.

Совершенно отрешенный от мира, он не торопясь поднялся к мансардному этажу. Толкнув дверь чердака, он вошел внутрь. Свет из коридора хлынул следом, безжалостно разрывая густую тьму. Длинный, уродливо вытянутый силуэт Пэй Чана черной кляксой лег на противоположную стену.

В ту же секунду бесформенная тень, полулежавшая на полу в глубине комнаты, медленно зашевелилась и подняла голову. Мертвую тишину разорвал резкий, оглушительный скрежет натянутого железа.

Дорогие кожаные туфли Пэй Чана отчетливо и ритмично цокали по полу. Он сделал шаг вперед. И чем ближе он подходил, тем яростнее и безумнее становился лязг цепей. Сквозь спутанные пряди длинных черных волос было видно, как бледные, исхудалые пальцы существа судорожно впиваются в деревянные доски, готовые к броску.

Пэй Чан остановился у самых ног пленника. Чуть наклонившись, он грубо перехватил его за подбородок и вздернул голову вверх. Тяжелая грива волос рассыпалась по плечам, обнажая лицо монстра: абсолютно черные, лишённые зрачков белки глаз и зажатый в челюстях кожаный кляп.

— Хм, — Пэй Чан приподнял бровь и сухо, безэмоционально усмехнулся.

Острые, как бритва, клыки уже превратили прочный кожаный ремень в жалкие лохмотья. Из приоткрытого рта, который существо не могло закрыть до конца, тяжело капала слюна. При каждом хриплом выдохе она стекала по пальцам Пэй Чана, пачкая его запястье. Он стоял, согнувшись над этим отродьем, и в его глазах читалась странная, пугающая нежность. Эта улыбка выглядела куда страшнее любого проявления его гнева.

— Гуайгуай...

«Гуайгуай» — так звали бездомного пса, которого восьмилетний Пэй Чан когда-то подобрал на улице.

«Ну и больной ублюдок», — мысленно выругалась Система «Мужчина-мамочка» 7008.

Пэй Чан сейчас казался безумцем, запертым в коконе собственных иллюзий. Он упорно внушал себе, что отыскивал свою давно потерянную собаку, отчаянно пытаясь заткнуть этой ложью зияющую пустоту в собственной душе.

Существо попыталось угрожающе зарычать, но из-за кляпа животный рык превратился в жалкое, глухое поскуливание. Пэй Чан прищурился, бережно, почти ласково поглаживая его острый подбородок.

— Проголодался?

Ответа, разумеется, не последовало. Пленник, запертый на этом чердаке без еды семь дней и ночей, исхудал так, что сквозь серую кожу проступали ребра. Лишенный сил для борьбы, с затуманенным сознанием, он даже не понимал человеческой речи — лишь скалился, обнажая клыки. Но Пэй Чана это состояние полностью устраивало.

Он выпустил лицо монстра из рук, сорвал с шеи галстук и принялся неторопливо, методично вытирать пальцы — палец за пальцем. Закончив, он подошел к массивному шкафу в углу. За тяжелыми дверцами скрывались аккуратные ряды медицинских пакетов с донорской кровью. Часть запасов хранилась здесь давно, но большинство Пэй Чан приказал доставить совсем недавно. Словно заботливый хозяин, выбирающий лучший корм для породистого скота, он придиричливо осмотрел пакеты один за другим и вытащил самый свежий.

Однако подходить к монстру он не стал. Пэй Чан вальяжно опустился в глубокое кресло у стены и закинул ногу на ногу, полностью растворяясь в густой тени. Свет в коридоре к этому времени погас, и единственным источником освещения оставалось маленькое слуховое оконце, сквозь которое сочился бледный лунный свет.

— Гуайгуай, ко мне, — негромко позвал он.

«Ну и больной ублюдок», — мысленно выругалась Система «Мужчина-мамочка» 7008.

Почувствовав в воздухе металлический запах свежей крови, монстр резко повернул голову в сторону кресла. Его дыхание стало частым и хриплым. Послышался дикий скрежет — когтистые пальцы полоснули по паркету с такой силой, что из-под них посыпались искры. Доля секунды — и он рванулся прямо на Пэй Чана.

Пэй Чан даже не шелохнулся. Половина его лица, скрытая тенью, оставалась абсолютно бесстрашной. Раздался резкий, оглушительный звон — стальные цепи натянулись до предела и с силой отшвырнули голодную тварь обратно на пол. Только тогда на губах Пэй Чана появилась холодная, торжествующая усмешка.

Существо не знало боли. Оно вновь поднялось на четвереньки и, не отрывая взгляда черных глаз от человека, издало утробный, алчущий хрип. Пэй Чан молча смотрел на него в ответ, и в его темных глазах нельзя было прочесть ни единой эмоции. Перед тем как отправиться за

решетку, господин Пэй как-то сказал, что у его сына сердце холоднее и тверже, чем камни на самом дне океана. Пэй Чан был с ним полностью согласен.

Вот и сейчас — пускай он якобы «вернул своего любимого пса», в его душе не возникло ни капли жалости или желания побережь его. Он давно перерос того слабого мальчика, которым был когда-то. Лениво приподняв веки, он небрежным жестом швырнул пакет с кровью на пол, точно обглоданную кость.

Пластиковая оболочка лопнула, и густая, багровая жидкость хлынула на пол, быстро пропитывая паркетные доски. Изголодавшееся существо бросилось ниц, судорожно растопырив длинные пальцы в отчаянной попытке собрать драгоценную влагу. Тяжелые звенья цепей звенели и бились друг о друга, когти скользили по залитому кровью дереву. Монстру удалось спасти едва ли половину разливающегося угощения. Но даже этой малости хватило, чтобы он, хрипя от жадности, запихал остатки пакета себе в пасть.

Жуткое зрелище — терзаемый голодом зверь, лакающий кровь под бледной луной. Однако кожаный ремень, все еще мешавший челюстям сомкнуться, лишал эту сцену первобытного ужаса, делая монстра почти беспомощным. Лунный свет серебрил его длинные, антрацитово-черные волосы, а когда он запрокинул голову, чтобы проглотить последние капли, в судорожном движении его острого кадыка проступила дикая, заволаживающая и пугающая красота.

Пэй Чан наблюдал за этим в абсолютном молчании. Немного утолив голод и набравшись сил, существо одним мощным движением челюстей перекусило остатки кляпа. Оно высунуло невероятно длинный язык и принялось слизывать кровь со своих ладоней, словно смакуя изысканный нектар. Этот язык, превосходящий человеческий по длине почти вдвое, двигался с поразительной гибкостью: он скользил между растопыренными пальцами, тщательно собирая каждую алую каплю, попавшую на тыльную сторону ладони.

Мужчина глубже откинулся на спинку кресла. Непонятно, что именно он испытывал в этот момент — холодное любопытство исследователя или извращенное эстетическое удовольствие. Он просто созерцал чужое безумие и жажду. Смотрел, как измазанный кровью подбородок дергается при каждом глотке, а багровые ручейки стекают по бледной шее прямо на впалую грудь.

О чем он думал? Ни одна живая душа не смогла бы прочесть его мысли. Наконец хмель окончательно завладел его умом. Пэй Чан запрокинул голову, на мгновение прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Затем он молча поднялся с кресла и быстрыми шагами направился к выходу.

Свет в коридоре снова вспыхнул, указывая путь назад. Но стоило тяжелой железной двери захлопнуться с глухим стуком, как сидевший на полу монстр медленно повернул голову и проводил его долгим, немигающим взглядом.